

Вас люблю

Общая газета, - 1999 -
- 23-29 сент. - с. 16

Автор этих мемуаров — Елена Николаевна БЕРКОВСКАЯ (до замужества Сетницкая) — в 37-м году осталась сиротой: отца расстреляли, а мать была арестована. Окончив школу на Украине, где жила семья ее тетки, она буквально накануне войны попала в девичью компанию, учившуюся на историческом факультете Московского университета и объединенную восторженной любовью к Борису Леонидовичу Пастернаку. Их отношения с великим поэтом, о которых вспоминает Е.Н. Берковская, были на удивление близкими и доверительными, оставив, похоже, след не только в жизни девушек, но и самого Бориса Пастернака. Елена Николаевна охарактеризовала эти отношения так: «Для Оли он был, если сказать кратко, «Учитель жизни». Для Кати это был гениальный человек, который постоянно заблуждался, ошибался, «недопонимал» что-то, почему и следовало неуверенно указывать ему на эти ошибки и помогать освободиться от всего этого. Для Ирины он был жизнью, счастьем и болью. Любила она его самозабвенно и молилась за него постоянно. Для меня, как и для Оли, он был духовным наставником, но, кроме того, в каком-то плане заменял отца, отнятого, когда мне было 14 лет». Полностью эти воспоминания публикуются в журнале «Знамя», № 11, 1999 г.

Елена БЕРКОВСКАЯ

Черновики и письма

ИМЯ ПАСТЕРНАКА у нас в доме произносилось часто. Я знала, что это современный русский писатель, поэт, вернее. Тем мои детские познания о Пастернаке и ограничивались. Но когда летом 1940 года я вернулась в Москву поступать в университет — Пастернака обрушили на мою голову лавиной. Моя старшая сестра Оля и ее подруга Катя, увлеченные и страстные последователи учения Н.А. Федорова, считали, что среди современников ближе всего к пониманию идей бессмертия и воскресения подошел в своем творчестве именно Пастернак. Серий том «Изранного» 1937 года был истерт, разорван и не выпускался из рук. Вот в эту атмосферу, насыщенную Пастернаком, попала я. Весь мой первый курс прошел под пастернаковской рефрен.

А 22 июня началась война, и я уехала на трудфронт в Рязанскую область. До ближайшей деревни — 9 или 10 километров. Письма шли еле-еле, а я и совсем их не получала. И вдруг, уже в конце лета, приходит толстое, многостраничное письмо от Кати. И что же? Ни слова о себе (ну живы, это ясно), ни слова о Москве, ни слова ни о чем житейском. Все 10 или 12 страниц посвящены подробно и восторженно описанию того, как она познакомилась с Пастернаком. Я только плюнула. Письмом я злобно разохла костер. Боже мой, как я теперь жалею об этом.

Всю весну Оля с Катей собирались писать к нему и наконец сообразили. Так как в числе «достойных», кроме Пастернака, была и Марина Цветаева, то решили сначала пойти к нему и взять у него ее адрес. И отправились в Лаврушинский. Первая встреча была краткой — он сказал Маринин адрес. Потом они поехали в Переделкино. Оля говорила, что они разговаривали с Б.Л. о «Спекторском» и что у Кати он как-то символизировался с Христом. Оля смущалась до слез, Катя объясняла Борису Леонидовичу, что и как ему следует «подобрать» в своем сознании и своих стихах. Впрочем, это я просто язвлю на старости лет. А важно то, что Б.Л. отнесся к ним с глубокой серьезностью, дружелюбием, вниманием и теплом и что с той поры он стал для нас не просто великим поэтом, но и удивительно живым человеком.

Потом Оля с Катей еще не один раз бывали у него в Переделкине и на Лаврушинском. Вернулись из совхоза и я. Немцы подошли к самой Москве. Писателей должны были эвакуировать в Чистополье. 13 октября вечером Катя сказала: «Надо проститься с Борисом Леонидовичем». И мы с ней пошли на Тверскую, где в квартире своей первой жены Евгении Владимировны он должен был быть. Остался в памяти заставленная московская квартира, темноватая комната. А, прежде всего, конечно, сам Борис Леонидович. Сначала бросалась в глаза резкая, как показалось в первую секунду, некрасивость лица, необычный овал, необыкновенно молодые глаза и, конечно, голос. Пастернаковский неповторимый голос и манера речи. Необыкновенная простота обращения и непривычная уважительность к нам, девочкам. «Екатерина Александровна, Ольга Николаевна...» Поцеловал руку Кате и мне. Мы ушли. Потом сел он тоже, «по-пастернаковски»: по-мальчишески как-то сдвинув колени и положив на них ладони рук, отодвинув немного наружу локти.

Ушла я от Б.Л. совершенно покоренная им. Но стихи его в эту страшную первую военную осень не стали мне ближе, а личное восхищение постепенно отодвинулось, я редко вспоминала о нем. Всех нас: Олю, Катю и меня развели в разные стороны. Оля преподавала историю в школе. Катя ра-

Поднимаюсь. За дверью быстрые шаги. В дверях Борис Леонидович. Ну, естественно, он меня не помнит. Косновязичной скороговоркой, путаясь в длинных именах с отчествами, объясняет, что Екатерина Александровна Крашенинникова просила меня зайти к нему за пропуском на ВТО, а я младшая сестра Ольги Николаевны Сетницкой. Б.Л. проводит меня в небольшую светлую комнату с обеленным столом посередине. На столе незабудки и стопка маленьких серых книжечек. Сажусь на край стула. Б.Л. напротив меня, и я вижу, что из моего сбивчивого бормотания он ничего не понял, и все сказанное надо повторить еще раз. «А-а-а, — тянет он, — теперь я вспомнил вас и все понял. Сейчас дам». И спрашивает, как зовут меня. «Елена, — смущенно отвечаю я, — но я просто Лилия». «Просто Лилия», — повторяет он и дает записку к администратору ВТО. Потом берет из стопки книжечку и говорит, что вот только что вышел сборник его последних стихов «На ранних поездах». Он недоумен им, это еще довоенные стихи. Он берет еще три экземпляра. Всем нам: Оле, Кате, Ирине и мне. Благодарю. Он не написал эти книжки, а я и не догадалась тогда, что можно попросить. Где они теперь? Катя в мгновение ока раздала их все четыре. До сих пор жалко! Б.Л. вышел со мной на лестницу и поцеловал руку. Как только дверь закрылась за ним, я тряхнула старинной, села на перила и в одну секунду пронеслась до низу. Девы ждали меня. Я с самого начала: «Ну вот, я вышла из музея...» — рассказывала им шаг за шагом, слово за словом. Сместя и перебивая друг друга, Катя с Ириной заставили меня несколько раз повторять, что сказал Б.Л., как он посмотрел и т.д.

Настал день чтения «Антония и Клеопатры». В вестибюле полно народу. Многие знакомы, перешептываются друг с другом. Около лифта стоит вертикальный пожилой человек. Он как-то слегка пританцовывает, оглядывает нас и вдруг подмигивает. Я шепчу: «Катя, он что, сумасшедший?» Катя холодно отвечает: «Тихо, это Крученых». По невежеству я воспринимаю фамилию как «крученый», тем более это подходит ему. «Да не крученый,

а поэт Крученых, фамилия такая — Крученых, поэт-футурист», — терпя терпение, шепчет Катя. Предваряя чтение, Б.Л. сказал несколько слов, из которых я помню только его определение сюжета пьесы, поразившее меня какой-то домашней выразительностью. Он сказал, что содержание пьесы является роман обильности и шалопая. Первый раз я его слушала и была потрясена естественностью и искренностью чтения, была восхищена его манерой, его интонациями, завыванием, его растягиванием слов, его московской речью. В смешных местах он сам смеялся, и зал смеялся вместе с ним. А в каком-то месте остановился, посмотрел на публику и сказал: «Пожалуйста, дальше будет еще лучше». В полной тишине прочел конек.

Публика расхолилась. У окна я увидела Катю. К ней через беспорядочно свинутые стулья пробирался Б.Л. Он что-то сказал ей, она недовольно ответила. Я про себя подумала: как после всего этого у нее может быть такое сердитое лицо? Катя была недовольна и вечером, и Борисом Леонидовичем. В этот раз я впервые заметила, что она большая частью была недовольна им, считая, что он недостаточно и не так думает, пишет, переводит, живет.

С этого вечера мы с Катей и Ириной уже не расставались. Жизнь нам по сути было негде, и с разрешения Танечки Шаборкиной, директора Музея Скрябина, мы стали жить в пустом, бесконечно ремонтирующемся музее. Катю

и след не осталось. Дверь открыла она сама — в черном бархатном концертном платье с пыльными черными с проседью волосами по плечам. Скоро все собралось. Б.Л. сел за столик и начал читать: «Шли и шли и пели вечную память...» И с этих слов и до той минуты, когда он остановился на последнем слове, я уже ничего не замечала. Все читаемое было пронизательно именно той простотой, которая «всего нужнее людям». Все было знакомым и важно, все было мне до самой глубины. И маленький Юра на могиле матери, и Миша Гордон, едущий в поезде и ошущающий симюинутность возникновения пейзажа только благодаря остановке поезда, и рассказывая Николая Николаевича о Риме. Я почувствовала, что это самая высокая литература, поняла, что это гениально.

Б.Л. кончил читать. Все сразу заговорили, зашумели, посылались похвалы. Кто-то спросил, что будет дальше. Он ответил, что Юра женится на Тоне, станет врачом, начнется война, революция... Он познакомится с Ларой, и будет много печального. Кто-то спросил, можно ли назвать эту вещь традиционным романом. Б.Л. сказал, что в общем можно, но скорее это не роман, а эпопея. «Эпопея-е-я», — растягивая «е» повторил он. Спросили, какую роль в романе будут играть стихи, и он ответил, что так как это стихи Юрия Живаго, то скорее всего они будут просто отдельной тетрадью. Спрашивали о названии. Пока существовало услов-

ное заглавие «Мальчики и девочки». «Это про нас», — мелькнуло у меня в голове. И этот трюфельный союз, который начался «Смысла любви» и «Крейсеровой сонаты» и помещен на проповеди целомудрия и проч. Хоть мы и не помешались на «Крейсеровой сонате» — все равно про нас. М.В. пригласила нас остаться ужинать. Но хоть это и было заманчиво со всех сторон, но мы отказались не могли. Было очень поздно, и мысль о потерянной где-то в метелях Ирина терзала душу. Мы попрощались и вышли на улицу. Снег перестал. Кругом было бело и неореально. Занесенные снегом кусты, деревья, белые деревца, словом, «булки фонарей и пышки крыш». Издали показалась трамвай, мы вскопили в него и доехали до метро. От Курского вокзала до Рогожской, где жила Ирина, бежали пешком, переполненные чистым восторгом и одновременно терзаемые нечистой совестью. Окно светилось. Ирина не спала. Мы вошли и подкатили хвостами, как уличенные в дурном поступке собаки. Ирина взглянула на нас с отвлечением и сказала: «Гадины».

Когда роман был окончен, очень хотелось прочесть его целиком. Я хотела, чтобы Оля попросила его у Бориса Леонидовича. Оля отказалась наотрез. Это было результатом более чем неуместного последнего Олиного посещения Лаврушинского. Время было какое-то острое и очень плохое, и по Москве прошел слух, что Б.Л. арестовали. Было очень страшно.

И Оля, человек действия, пошла в Лаврушинский. Дверь открыла не приветливая Зинаида Николаевна и сказала, что Б.Л. нет дома. То ли в Переделкино, то ли просто вышел. Оля посмотрела на З.Н. чистыми и счастливыми глазами: «Вот хорошо, а мы уж думали, что его посадили». З.Н. едва не спустилась ее на лестнице. Так вот после этого инцидента к роману Оля не хотела. Пришлось пойти мне.

Позвонила на Лаврушинский (до сих пор помню телефон: В-1-77-45). Б.Л. подошел сам. С готовностью обещал дать роман, но в тот момент не было ни одного экземпляра. В назначенный день мы с мужем Юлием отправились к нему. Появились по лестнице, и тут я сказала Юлию: «Я схожу, а ты положи меня тут». Он остался на лестнице, и вот уже скоро 30 лет, как вполне справедливо не может мне этого простить. Я позвонила. В дверях Борис Леонидович. Все такой же. В сером свитере, улыбается. Спрашивает, что я делаю, окончила ли университет? Да, окончила. Что-то говорю, рассказываю о своих библиотечных коллизиях. Он смотрит на меня внимательно и говорит: «Как я давно не видел, вы стали совсем взрослая». Потом спрашивает про Ирину, которая уже несколько лет в лагере, осужденная на 25 лет. Не нужно ли ей помочь. Я рассказываю о ней, благодарю его. Он говорит о романе. Время идет, а Юлий на лестнице... Я с сожалением прошлась, он шепчет мне руку, и я ухожу. Больше я его живым не видела.

Однажды — это было, наверное, году в 48-м — я зашла к Б.Л. за новыми стихами. Он дал мне тетрадку переписанных на машинке стихов из романа. Спрашивал, как мы живем, где кто. Наша музейная жизнь к тому времени кончилась. Катя жила у родителей и работала. Ирина ушла в университет. Я вышла замуж, окончила кафедру и тоже работала. Он поздравил меня с замужеством, спросил про Юлию и вдруг как-то неожиданно для меня рассказал, что познакомился недавно с одной девушкой, которая такая милая, вроде нас, и которая совершенно непонятно почему прекрасно к нему относится. «Знаете, ну прямо, как Ирина». Ну как же, как Ирина, подумала я иронически. Какая-то девушка вторилась в него и повисла на шее, а он по беспредельной своей охороше так по-рыцарски говорит о ней. Вскоре после этого мы с Юлием были в консерватории и, выходя после концерта, столкнулись у выхода с Борисом Леонидовичем. Он был вместе с какой-то толстой, румяной, с волосами, крашенными перекисью, особой лет, как мне тогда показалось, 35-ти. Он с радостью познакомил нас с нею: «Вот это та девушка, о которой я говорил вам». Оказалось, что ее зовут Лилия.

1970—1990

Роман о девочках

У Бориса Пастернака были самые преданные поклонницы

а поэт Крученых, фамилия такая — Крученых, поэт-футурист», — терпя терпение, шепчет Катя. Предваряя чтение, Б.Л. сказал несколько слов, из которых я помню только его определение сюжета пьесы, поразившее меня какой-то домашней выразительностью. Он сказал, что содержание пьесы является роман обильности и шалопая. Первый раз я его слушала и была потрясена естественностью и искренностью чтения, была восхищена его манерой, его интонациями, завыванием, его растягиванием слов, его московской речью. В смешных местах он сам смеялся, и зал смеялся вместе с ним. А в каком-то месте остановился, посмотрел на публику и сказал: «Пожалуйста, дальше будет еще лучше». В полной тишине прочел конек.

путь и след не осталось. Дверь открыла она сама — в черном бархатном концертном платье с пыльными черными с проседью волосами по плечам. Скоро все собралось. Б.Л. сел за столик и начал читать: «Шли и шли и пели вечную память...» И с этих слов и до той минуты, когда он остановился на последнем слове, я уже ничего не замечала. Все читаемое было пронизательно именно той простотой, которая «всего нужнее людям». Все было знакомым и важно, все было мне до самой глубины. И маленький Юра на могиле матери, и Миша Гордон, едущий в поезде и ошущающий симюинутность возникновения пейзажа только благодаря остановке поезда, и рассказывая Николая Николаевича о Риме. Я почувствовала, что это самая высокая литература, поняла, что это гениально.

Осколки воспоминаний

А ТЕПЕРЬ — эти застрявшие в памяти мелочи, просто кусочки.

Ирина учится пению у старушек Монигетти. Звонит Б.Л.: «Борис Леонидович, можно я вам спую?» Не знаю, что именно он отвечает, но, очевидно, соглашается, так как Ирина тут же начинает петь в трубку.

Как-то, вернувшись от Б.Л., Ирина как всегда подробно рассказывает об их встрече. И вдруг неожиданно, от самой глубины ду-

Общая газета
Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласованию с редакцией.
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Тагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬЧОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80, Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связь с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛЮХИНА
Тел.: 915-70-40

Вёрстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
С этой газетой и в рамках публикации
пресс-релизы, информационно-
коммуникационные материалы.
Редакция несет ответственность
за содержание рекламных сообщений

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 288168 экз. (региональный — 212000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 22. 09. 99 г.
Заказ 2145.

Наш подписной индекс: 32138

МЕТРОПРЕСС